

Дарья Никишина

Печать красной нити

Дарья Никишина

Печать красной нити

<https://litres.ru/74615304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ёнчжу — вдова, потерявшая всё, кроме сына и горстки риса. Чтобы спасти ребёнка от голода, она совершает ошибку, за которую в старых книгах нет прощения: сжигает шёлковый оберег мужа, не зная, что это была печать, сдерживающая гнев духа белой лисы — Кумихо, чьего детёныша убил её супруг.

Разрушенная печать выпускает в мир древнюю ярость. Теперь деревня гниёт заживо, рисовые поля залиты чёрной водой, а в доме Ёнчжу пробуждается дух её мёртвого мужа, жаждущий мести. Чтобы спасти сына и остановить потоп, женщине придётся спуститься в самые тёмные уголки корейской магии. Она заключит сделку с девятихвостой лисой, научится алхимии у мёртвых и превратит саму себя в гору, чтобы стать вечным стражем на границе миров.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Печать красной нити

Глава

Глава 1. Пепел и шёлк

Дождь в горах Чирисан не падал с неба — он выползал из земли. Туман был настолько густым, что Ёнчжу казалось, будто она идёт по дну молочного озера. Каждый шаг по размокшей тропе отдавался чавканьем, и этот звук поглощал все остальные. Не было слышно ни птиц, ни цикад. Только её собственное дыхание и тихий, настойчивый шелест шёлка в её руках. В крытой корзине, обёрнутые в промасленную бумагу, лежали вещи её мужа. Чхона. Ткань его лучшего ханбока, в котором он был на их свадьбе. Его соломенные сандалии, стоптанные до дыр. И маленький бумажный домик — хонкон, копия их хижины, который должен был стать его последним пристанищем в мире живых. Сегодня был сорок девятый день. Чхаре. День, когда душа окончательно покидает мир. Если всё сделать правильно, Чхон станет предком, духом-покровителем. Если ошибиться — останется квисинном, мстительным призраком, который будет пить слёзы живых. Ёнчжу остановилась на поляне за деревней, где рос старый можжевельник. Место для костра было уже подготовлено — кто-то из соседей, побоявшись идти в туман сам, всё же принёс сухие дрова. Она поклонилась можжевельнику,

прося прощения за дым, и начала выкладывать вещи мужа на землю. Её пальцы, огрубевшие от работы на рисовых полях, нащупали что-то твёрдое в складках его дорожной куртки. Маленький узелок. Она развернула ткань. На её ладони лежала красная шёлковая нить, завязанная в сложный узел. Ёнчхон. Оберег. Чхон снял его с правой руки всего за неделю до смерти. Он вернулся с охоты бледный, с пустыми руками, чего за ним никогда не водилось.

— Я убил её, — сказал он тогда, глядя в стену. — Белую лису. Она смотрела на меня человеческими глазами. Я снял это, чтобы её род не пришёл за мной.

Ёнчжу тогда лишь фыркнула. Крестьянская жена не верит в сказки о Кумихо. Но Чхон, обычно громкий и уверенный, всю неделю спал с ножом под подушкой. А потом его придавило сосной в лесу. Несчастный случай. Так сказал староста. Она сжала нить в кулаке. По правилам, Ёнчхон нужно было снять и хранить. Сжигать его было нельзя — это значило разорвать связь духа с миром, выпустить то, что было заперто внутри. В суеете сборов, в своём глухом, онемевшем от горя состоянии, она забыла переложить его в сундук.

— Прости, — прошептала она Чхону, хотя он не мог её слышать. — Прости, я глупая вдова.

Она положила нить поверх бумажного домика. Возможно, огонь очистит её ошибку. Когда пламя лизнуло бумагу, хонкон вспыхнул ярко, почти бесцветно. Ёнчжу смотрела, как огонь пожирает крышу, стены, соломенную подстилку

внутри. Она представила, как Чхон сейчас входит в этот дом, как садится у очага, как становится дымом. Внезапно пламя из оранжевого стало густо-алым. А затем — иссиня-чёрным, как старая кровь. Ветер, которого не было секунду назад, ударил в лицо, принеся с собой запах, которого не могло быть в горах. Запах мокрой псины, мускуса и чего-то сладковатого, гнилостного. Запах лисьей норы. Из огня донёсся звук. Не треск дерева. Тихий, вибрирующий смех. Женский. Низкий. Ёнчжу отшатнулась, прижимая корзину к груди. Её взгляд прилип к костру. Бумажный домик сгорел дотла, но красная нить не горела. Она лежала в самом центре углей, и по ней бежали искры, словно капли крови. Нить начала извиваться. Сначала медленно, потом быстрее, словно червь на крючке. Узел на ней затягивался сам собой, становясь всё туже, всё меньше, пока не превратился в крошечную, пульсирующую точку. А потом нить натянулась. Один её конец уходил в пепел, где только что был дом Чхона. Другой конец, тонкий, как волос, потянулся прямо к груди Ёнчжу. Она не видела его, но чувствовала ледяное прикосновение под сердцем. Туман вокруг поляны сгустился, обретая форму. Из него выступила тень — высокая, сутулая, с длинными руками, которые доставали до земли. Но это был не Чхон. У тени была лисья голова. Пасть, полная игольчатых зубов, была растянута в улыбке, а девять хвостов, сотканных из дыма и лунного света, медленно покачивались в воздухе, не касаясь мокрой травы. Кумихо.

— Ты сожгла мой дом, вдова, — сказал голос, который был одновременно и мужским, и женским, и детским. Голос шёл отовсюду.

— Ты сожгла мой дом, который твой муж построил из моей крови. Теперь я буду жить в твоём.

Красная нить дёрнула. Ёнчжу закричала, но из её горла не вырвалось ни звука. Туман хлынул в её лёгкие, холодный, как вода в горном ручье. Последнее, что она увидела, прежде чем колени подкосились, — это как из её корзины, где лежали вещи мужа, медленно поднимается, разворачиваясь в воздухе, его соломенная шляпа. И она, эта шляпа, низко, издевательски поклонилась лисьей тени. Когда Ёнчжу очнулась, костёр давно погас. Дождь смыл пепел. На поляне было пусто. Только на её запястье, там, где Чхон всегда носил свой Ёнчхон, теперь алел свежий, туго затянутый узел. И он пульсировал в такт её сердцу.

Глава 2. Дом, который дышит

Деревня встретила её не запахом дыма, а запахом мокрой земли и застоявшейся воды. Ёнчжу шла, не чувствуя ног. Левая рука, там, где кожу стягивал невидимый узел, горела огнём, но когда она посмотрела на запястье, там была лишь бледная полоска — след от слишком туго затянутой верёвки, которой она перевязывала корзину. Никаких красных нитей. Никаких лис.

— С возвращением, госпожа вдова, — проскрипел голос. Староста Пэк, опираясь на палку, стоял у ворот её двора.

Его лицо, похожее на сморщенный гриб, выражало смесь любопытства и плохо скрытого злорадства. Чхона не любили. Чхон был слишком гордым для крестьянина, слишком молчаливым. А Ёнчжу была его женой — такой же гордой.

— Огонь... он был странным, — голос Ёнчжу был хриплым, словно она кричала всю ночь, хотя она не помнила этого.

— Дождь всё смыл, — отрезал Пэк, подходя ближе. От него пахло дешёвым рисовым вином. — Люди говорят, духи гор не приняли твоего мужа. Говорят, он был браконьером. Убил то, что нельзя убивать. Он смотрел не на неё, а на её шею, на воротник её мокрого ханбока.

— Где мальчик? — спросила Ёнчжу. Страх за сына вымыл остатки тумана из головы.

— Спит. Твоя соседка, госпожа Лим, присматривала. Она говорит, он всё плакал и звал лису. Странные дети.

Ёнчжу оттолкнула старосту, не сказав спасибо, и влетела в дом. Внутри было темно и душно. Пахло полынью — госпожа Лим жгла её в углах, чтобы отогнать злых духов. Это была хорошая, правильная вдова. Она делала всё по правилам. В отличие от Ёнчжу.

— Чиу? — позвала она. Тишина. Только мерное, тяжёлое капанье воды. В их хижине не было протекающей крыши. Она прошла вглубь, в главную комнату. И замерла. Дом изменился. Бумажные окна-оклеенные промасленной бумагой, были целы, но свет, пробивающийся сквозь них, был не

серым дневным, а густо-красным, как на закате, хотя до вечера было далеко. Воздух стал плотным. С каждым вдохом казалось, что она вдыхает воду. А на полу, на утрамбованной земле, стояла вода. Тонкий слой, не больше пальца, но она была. Чёрная, неподвижная, отражающая красные блики. В центре комнаты, прямо над очагом, который не топили со дня смерти Чхона, вода собиралась в воронку, медленно вращаясь против часовой стрелки.

— Мама?

Голос сына донёсся из спальни. Тонкий, испуганный. Ёнчжу бросилась туда, оскальзываясь на мокром полу. Чиу сидел на ондоле (обогреваемом полу), обхватив колени руками. Ему было шесть. Он был копией отца — те же упрямые брови, тот же взгляд. Но сейчас его глаза были расширены от ужаса, и он смотрел не на мать, а на стену за её спиной.

— Мама, — прошептал он. — Дом пьёт.

— Что он делает? — Ёнчжу подхватила сына на руки. Он дрожал, его одежда была влажной и холодной, хотя очаг в спальне был сухим.

— Дом пьёт снаружи, — Чиу ткнул пальцем в стену. — Я видел. У него есть рот.

Ёнчжу подошла к стене. Деревянные балки, глина, бумага. Обычная стена. Она приложила ладонь к дереву. Оно было ледяным. И под её пальцами дерево едва заметно прогибалось внутрь, словно резиновое. Скриип. Звук был похож на крик чайки, но глубже, влажнее. Балка над дверным про-

ёмом изогнулась дугой, как спина кошки. Глиняная штука-турка треснула, и из щели не посыпалась пыль. Полилась вода. Густая, тёмная, пахнувшая илом и железом.

— Мама, там кто-то есть, — Чиу вцепился в её шею так, что стало больно дышать. — В воде.

Ёнчжу посмотрела на пол. Вода из спальни перетекала в главную комнату, соединяясь с той, что уже была там. И в этой воде, прямо под ногами, что-то двигалось. Это не были рыбы. Это не были змеи. Это были волосы. Длинные, чёрные, мокрые волосы женщины, которые тянулись вверх, к их ногам, словно водоросли, поймавшие добычу. Из чёрной лужи медленно поднялась рука. Кожа была бледной, как у утопленника, а ногти — длинными, изогнутыми и тёмными. Рука не пыталась схватить их. Она просто висела в воздухе, с кончиков пальцев капала вода, и каждая капля, падая на пол, издавала звук удара гонга.

— Чхон? — прошептала Ёнчжу.

Это было глупо. Это не мог быть Чхон. Рука повернула ладонь вверх. На ладони лежал маленький предмет. Красная шёлковая нить. Та самая. Узел на ней был развязан. Конец нити медленно, змееподобно, пополз по воздуху прямо к горлу Чиу.

— Не трогай его! — закричала Ёнчжу, заслоня сына собой. Она схватила первое, что попало под руку — железную кочергу у холодного очага, и ударила по руке в воде. Раздался не звон металла. Раздался влажный, чавкающий хруст,

как если бы она наступила на перезревшую сливу. Рука отлетела в сторону, но вода не расплескалась. Она просто поглотила её. И тогда весь дом издал звук. Глубокий, утробный вдох. Бумага на окнах вогнулась внутрь, грозя лопнуть. Дверь с грохотом захлопнулась сама по себе. Вода на полу начала быстро прибывать, поднимаясь к щиколоткам. А потом голос, который она слышала в лесу, прошептал прямо из-под половиц, из самого нутра земли: «Я не Чхон. Я — то, что он унёс с горы. Ты открыла дверь, вдова. Теперь мы все утонем в его крови». Вода дошла до колен. Она была ледяной. И в этой темноте, под водой, Ёнчжу увидела десятки других рук, тянущихся вверх. Женских. Детских. Все они держали красные нити.

— Мама, мне страшно, — всхлипнул Чиу, его лицо уже было мокрым не от воды, а от слёз.

Ёнчжу прижала сына к себе, забираясь на кан. Дерево под ними закрипело. Дом дышал. Дом был голоден.

Глава 3. Соль и саке

Вода остановилась на уровне груди Чиу. Мальчик сидел на плечах матери, вцепившись в её волосы, его зубы стучали от холода. Ёнчжу стояла на кане, прижавшись спиной к глинобитной стене. Вода больше не поднималась, но она двигалась. Она кружила по комнате, создавая медленный, гипнотический водоворот. В этом водовороте плавали вещи Чхона. Его соломенная шляпа. Один сандалий. И бумажный хонкон, который, как она думала, сгорел дотла. Домик был

мокрым, но целым. Он проплыл мимо её лица, и в маленьком бумажном окошке она увидела крошечный красный огонёк.

— Мама, — голос Чиу дрожал. — У воды есть глаза.

Ёнчжу вгляделась в чёрную гладь. Сначала это были просто круги. Потом круги стали расширяться, и на поверхности появились радужные пятна, как от пролитого масла. А затем из глубины на неё посмотрели два зрачка — вертикальные, цвета расплавленного золота. Они не принадлежали человеку. Они были размером с её ладонь. Дом снова выдохнул. На этот раз это был не вдох голодного зверя, а выдох облегчения. Вода забурилась. Из глубины начала подниматься фигура. Она была соткана из водорослей, ила и гниющего дерева. Длинные волосы скрывали лицо, но Ёнчжу знала, что это не Кумихо. Это было что-то древнее, что-то, что жило в горах задолго до того, как люди научились строить хижины. Дух-хранитель. Сан-син. Но он не был добрым. Он был осквернён кровью лисы, которую убил Чхон.

— Ты принесла это в мой лес, — пророкотал голос, и вода в доме задрожала. — Ты заперла мой гнев в своём сыне.

Фигура подняла руку. В пальцах из тины была зажата красная нить. Она тянулась через всю комнату, исчезая под одеждой Чиу. Мальчик вскрикнул — на его шее, там, где нить касалась кожи, проступили кровавые точки, словно от укусов.

— Стой! — крикнула Ёнчжу. Её голос сорвался. — Он не виноват! Я сожгла нить! Я виновата! Фигура из ила медлен-

но повернула голову. Движение было неестественным, как у совы. Глаза сверкнули.

— Сжечь нить — значит развязать узел. Ты не освободила его. Ты освободила нас.

Вода резко хлынула вверх, сбивая Ёнчжу с кана. Холод сковал лёгкие. Она ушла под воду с головой, ударившись плечом о край лежанки. В ушах стоял звон. Она открыла глаза. Под водой дом выглядел иначе. Стены были прозрачными, и сквозь них она видела корни можжевельника, камни и... могилы. Десятки старых, забытых могил, разбросанных по склону горы. В каждой из них лежали скелеты, чьи рёбра были опутаны красными нитями, сходящимися в одной точке — в их доме. Это не просто лиса. Чхон убил не просто зверя. Он убил мать. Ёнчжу вынырнула, глотая воздух впере-мешку с грязной водой. Чиу всё ещё был на канэ, но вода подбиралась к его подбородку. Он не сможет долго держаться. Нужно было что-то, что сильнее древнего духа. Что-то, что шаманы используют, чтобы запира́ть двери между мирами. Её взгляд метнулся к кухонной полке. Над очагом, в специальном мешочке из оленьей кожи, хранились три вещи: каменная соль для защиты, мешочек с красным перцем для изгнания и бутылъ с саке, которое Чхон берег для праздника урожая. Дрожа от холода, Ёнчжу прыгнула с кана в воду. Ледяная тьма сомкнулась над её головой. Ноги сразу запутались в чём-то скользком и живом. В волосах. Рука утопленницы, та самая, что отрубила кочерга, обвилась вокруг

её лодыжки. Пальцы были невероятно сильными. Они тянули её вниз, в ил. Ёнчжу извернулась, выхватывая из-за пояса короткий нож для резки редьки. Это было смешно — драться кухонным ножом с духом горы. Лезвие вошло в тину, где должно было быть запястье руки. Раздался звук, похожий на визг свиньи. Вода вокруг почернела от гнилой крови. Хватка ослабла. Она вынырнула снова, кашляя. До полки было три шага. Но вода превратилась в кисель. Каждый шаг давался с трудом, словно она шла против течения бурной реки.

— Мама! — это был не крик. Писк. Чиу соскользнул в воду. Он не умел плавать. Ёнчжу рванулась, забыв про дух, забыв про нож. Она схватила сына за воротник и толкнула его на кан. Мальчик вцепился в дерево, его тело билось в судорогах от холода. Теперь она была в воде по шею. Фигура из ила была прямо перед ней. Вода расступилась, и Ёнчжу увидела лицо. Оно было лицом Чхона. Раздутое, синее, с белыми нитями водорослей, растущими из глазниц.

— Ты скучала по мне, жена? — прошептали гнилые губы.

— Ты не мой муж, — выплюнула Ёнчжу. Солёная слеза смешалась с грязной водой.

— Мой муж был человеком. А ты — просто грязь, в которую он упал.

Это были последние слова. Дух взревел, и водяной вихрь ударил Ёнчжу в грудь, впечатывая её в стену. В глазах потемнело. Она сползла в воду, чувствуя, как сознание уплывает. Сквозь пелену она видела, как тварь из ила тянет свои

руки к Чиу. И тогда она сделала то, что делала каждый день последние десять лет. Она потянулась к очагу. Её пальцы нащупали не кочергу. Мешочек с солью. Собрав остатки сил, Ёнчжу выдернула пробку из кожаного мешка. Она не стала бросать соль в духа. Соль для земли. А эта тварь пришла из воды. Она высыпала соль в рот дома. Прямо в воронку водоворота на полу. Вода взорвалась. Раздался звук, с которым рвётся мокрое полотно. Воронка зашипела, выпуская облако пара, пахнущего серой и чистотой. Вода начала отступать. Не впитываться в пол, а буквально всасываться в щели между досками, исчезая с бешеной скоростью. Фигура из ила закричала. Её тело, державшееся на воде и магии, начало распадаться. Чхон исчез первым, превратившись в комок грязи. Остались только волосы — тысячи чёрных змей, которые метались по комнате, пытаясь найти, за что зацепиться. Одна из них метнулась к Чиу. Ёнчжу, лёжа на боку в стремительно мелеющей луже, выбросила руку вперёд.

— Возьми! — прохрипела она. — Меня! Он ребёнок!

Волосы замерли. Золотые глаза духа, всё ещё горящие в тёмном углу, моргнули. Тварь не хотела ребёнка. Ей нужна была душа того, кто открыл клетку. Душа, связанная красной нитью. Чёрный поток ринулся на Ёнчжу. Она закрыла глаза, готовясь к тому, что вода заполнит её лёгкие навсегда. Но удара не последовало. Раздался звон разбитого стекла. Запахло жжёным сахаром и спиртом. Когда Ёнчжу открыла глаза, над ней стоял Чиу. В руках он держал бутылку с саке.

Он разбил её о край кана, и теперь держал «розочку», выставив вперёд, как его учил отец. Весь его ханбок был пропитан крепким рисовым вином. Дух, духи, любая нечисть боится трёх вещей: соли, железа и алкоголя. Соль остановила воду. Теперь алкоголь должен был сжечь плоть. Золотые глаза в углу расширились от ярости.

— Глупый щенок, — пророкотал голос. Чиу зажмурился и прыгнул вперёд, прямо в остатки чёрного водоворота, заноса руку для удара.

Глава 4. Плач золотой лисы

Саке вспыхнуло не от огня — от самого присутствия духа. Чёрная вода, соприкоснувшись с тканью ханбока Чиу, пропитанным алкоголем, загорелась густым, фиолетовым пламенем. Но горела не ткань. Горел сам воздух вокруг мальчика. Дух, ринувшийся к ребёнку, состоящий из гнили и водорослей, врезался в эту невидимую стену. Раздался звук, похожий на вой зимнего ветра в печной трубе. Тварь отлетела назад, в угол, где её золотые глаза на мгновение ослепли от ярости и боли.

— Чиу, назад! — закричала Ёнчжу, пытаясь встать. Её лёгкие всё ещё горели от ледяной воды. Но мальчик не слышал. Он стоял в центре комнаты, где минуту назад был водоворот. Теперь там был сухой, потрескавшийся земляной пол. В руках он сжимал «розочку» от бутылки, и его лицо было искажено той же упрямой гримасой, что и у Чхона перед смертью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.